

Александр Кустарев (р. 1938) – независимый исследователь, публицист. Сфера научных интересов – типология и эволюция политической сферы. Публиковался в журналах «Pro et Contra» (Фонд Карнеги, 1999–2014), «Космополис» (МГИМО, 2002–2008). Колумнист «НЗ» с 2006 года.

На повестке дня – делиберативная согласительная демократия. Интерес к ней растет, потому что партийно-представительная конкурентная демократия, по видимости, приходит в упадок.

Во-первых, она становится дисфункциональной, поскольку неадекватна содержанию и конфигурации социального конфликта. Один сегмент общества деполитизируется, а другой становится все более фрагментированным и хаотичным. Избирательные предпочтения публики все более субъективны и сильнее мотивированы потребностью в знаковом самоутверждении, чем интересами общества и даже материально-потребительскими и социальными ожиданиями разных агентур, либо уже вполне удовлетворенных своим благообеспечением, либо не сознающих, что их политический выбор грозит потерями им же самим.

В результате стерилизуется центральная процедура демократии – выборы. Они не обеспечивают устойчивого режима переменного правления убедительного большинства и теряют (уже потеряли) свой главный, если не единственный *raison d'être*: способность держать власть под угрозой устранения (так называемое «ретроспективное голосование») и таким образом хотя бы как-то контролировать работу правительства или ставить ему условия.

Во-вторых, демократия теряет моральный авторитет. Устранив старый господствующий слой, она не только не смогла блокировать появления нового, но и привела к его возникновению. А поскольку новый истеблишмент продолжает себя обозначать как агентуру демократии, антигосподский инстинкт масс поворачивает их парадоксальным образом против демократии, с которой теперь в его глазах ассоциируется истеблишмент.

Что это может означать или что за этим последует? Чисто умозрительно вообразимы три варианта. Или «евродемократия», в согласии с давно известной циклической схемой Аристотеля–Полибия, вырождаясь, заменяется аристократией (элитократией) или даже монархией – с тем, чтобы вернуться обратно, когда они в свою очередь деградируют. Или, в согласии с представлением о поступательном социогенезе, демократия кончается навсегда как непригодная для управления сложносоставными совокупностями индивидов и их партикулярных кластеров. Или, наоборот, демократия установилась

навсегда и теперь будет трансформироваться из одного своего временного состояния в другое – экспериментально и на ощупь, как это видел Джон Дьюи¹. Теперь, в частности, партийно-представительная демократия преобразуется в делиберативную – пусть не сразу и не полностью, но во всяком случае напрямую.

Циклическую и эволюционную модели нетрудно совместить. Для этого достаточно представить себе, что социогенез идет не по прямой, а по спирали, то есть через циклы, в ходе которых один из вариантов, хотя и неизвестно заранее, какой именно, обнаруживает свое превосходство и, в конце концов, вытесняет другие. Сколько таких циклов еще предстоит, неизвестно, но какой-то финал неизбежен.

Сравнивать шансы этих вариантов можно до бесконечности. Избежим этой казуистики и попытаемся обсудить, в какой мере и как именно делиберация и демократия совместимы, – что само по себе является неочевидным состоянием.

Сейчас термин «делиберация» употребляется исключительно в связке с термином «демократия». Это приводит к некоторой аберрации, создавая впечатление, что делиберация соединима только с демократией. На самом деле она может быть демократической и недемократической в зависимости от того, кто и как в ней участвует. Круг участников делиберации, аналогично электорату, может расширяться и сужаться.

Историческая летопись делиберации в условиях монархии и элитократии выглядит весьма внушительно. В этом нет ничего неожиданного. Если делиберация – это спокойное и всестороннее обсуждение с целью найти согласие, а не конфронтация с целью навязать свою точку зрения остальным участникам разговора, где все сводится к сколачиванию большинства любыми средствами (торги, шантаж, подкуп, харизматическое гипнотизирование и прочее), то делиберация имманентна прежде всего коллегиальному правлению, ибо «правление более основательно и обдуманно в условиях коллегиальности», как замечает Макс Вебер, а «коллегиальность чисто совещательных органов существовала всегда и будет существовать всегда»². В практике коллегиальности прежде всего отрабатывается техника делиберации, привычка к рациональному обсуждению чужих резонов, развивается аналитический навык и исследовательский инстинкт; укрепляется способность оценивать последствия ранее принятых решений, признавать неудачи и исправлять ошибки.

Рациональное обдумывание проблемы как умственная операция появляется уже на заре антропогенеза и в дальнейшем

1 DEWEY J. *The Public and Its Problem*. New York, 1927.

2 WEBER M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tuebingen, 1985. S. 161–164. Вебер дает детальный обзор разных вариантов коллегиальности в третьем параграфе третьей главы первой части «Хозяйства и общества».

развивается и институционализируется как коллегиальность. Любой верховный правитель, даже полный хозяин положения, если он не психопат и не социопат (что, конечно, случается), так или иначе обдумывает свои решения, взвешивая «за» и «против» с помощью советников. Он вынужден допустить де-либерацию, а иногда даже поощряет ее.

А в органах коллективной власти режим постоянного открытого кругового консультирования просто неизбежен – иначе трудно сохранить их единство даже при устойчивом единстве материальных интересов. Можно думать, что именно в коллективных тираниях, как бы они ни третировали своих подвластных, консультации ближе всего к скрупулезной де-либерации, не коррумпированной тщеславием участников и их симпатиями и предрассудками.

Если де-либерация – это спокойное и всестороннее обсуждение с целью найти согласие, а не конфронтация с целью навязать свою точку зрения остальным участникам разговора, то де-либерация имманентна прежде всего коллегиальному правлению.

Фактура де-либерации в совещательных органах плохо изучена. До сих пор на нее вообще не обращали внимания как на особый стиль человеческих отношений, но, кроме этого, она неадекватно документирована, поскольку де-либерация вплоть до совсем недавнего времени была устной и не протоколировалась. Она, конечно, оставила какой-то след в мемуарах и переписке релевантных персонажей, даже если они, участвуя в де-либерации, не понимали, чем занимаются (как мольеровский Журден не знал, что говорит прозой), но мобилизовать этот ресурс и извлечь из него информацию смогут только те, кто знает, что ищет.

Практика коллегиальности давно стала общим местом в наставлениях правителям как главном жанре ранней нормативной политологии. На новый уровень она выходит на рубеже XVII–XVIII веков в концепции просвещенной монархии. «Просвещенность» обычно иллюстрируется модернизаторскими реформами, но она не меньше ассоциируется с практикой совещательности (де-либеративности). Эта практика недостаточно хорошо видна под горами летописного мусора в виде анекдотов об авторитарных выходках таких фигур, как Людовик XIV или Петр I и Екатерина II, и трудно распознается из-за того, что рациональные дискурсы прошлого вполне могут показаться вовсе не рациональными современному наблюдателю и

казуисту. Практики совещательности лучше просматриваются в правлении Марии-Терезии и Иосифа (Габсбурги), а особенно – под председательством Фридриха II в Пруссии и, конечно же, в правлении российского императора Александра II. Назвать такое правление «делиберативной монархией» мешает только то, что делиберация при традиционной монархии не была обязательна по закону, то есть не была конституционализирована, а ее орган не был полномочен принимать решения без санкции государя.

К этому, однако, дело шло: появилась идея конституционной монархии, которая развивалась адептами монархии (особенно в Пруссии/Германии) в надежде спасти ее от демократизации точно так же, как проект делиберативной демократии теперь предлагается твердыми демократами в надежде спасти демократию («от себя самой», как добавляют многие).

В просвещенной монархии локусом коллегиальности–делиберации все еще остается двор, как его интерпретировал Норберт Элиас³ и что мы теперь назовем «ближним кругом» властителя или ядром истеблишмента, хотя монарх, случалось, разгонял свой ближний круг и вербовал новый. Но тенденцию к конституционной сублимации у двора перехватил словесный парламент, возникший на месте феодального, в свое время почти повсюду фактически забытого. Здесь лидировала Англия. Джон Стюарт Милль, в сущности, концептуализирует парламент как орган делиберации:

«[Парламент] – арена, где высказываются во всем свете и могут выступить на борьбу не только общие мнения нации, но даже каждой ее партии [...] и даже каждой замечательной личности; где каждый, чье мнение отвергнуто, имеет то утешение, что оно по крайней мере было выслушано и отвергнуто не вследствие каприза, а вследствие того, что большинство нашло против него более сильные доводы. [...] Противники называют собрания представителей местом пустословия и разговоров. Едва ли когда выходила более неуместная шутка. Я не знаю, чем именно, как не разговорами, представительное собрание может принести больше пользы»⁴.

Но коллегиальность правления, как подчеркивал Макс Вебер, сама по себе не имеет ничего общего с демократией⁵. Особенно если совещательные органы (менее или более формализованные в системе управления) комплектуются самим правителем. Соответственно, делиберация остается монополией (привилегией) ограниченного меньшинства.

3 ELIAS N. *Die höfische Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969.

4 Милль Дж. Ст. *Размышления о представительном правлении*. New York: Chaldize Publications, 1988. С. 74 (перепечатка с русского перевода 1863 года, изданного в Санкт-Петербурге).

5 WEBER M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. S. 162.

Вклад демократии в культуру делиберации выглядит намного скромнее. В пределах еврохристианского культурного круга сама демократия как модус почти не практиковалась – разве что в эфемерных (чаще всего конфессиональных) очагах нонконформного самоуправления. Но в условиях модерна демократии уже не нужно было изобретать делиберацию. Она уже вполне сублимировалась в условиях «старого режима»⁶, и ее только предстояло осваивать. Посмотрим теперь, как демократия с этой задачей справлялась.

Прежде всего: делиберация не была идеалом (проектом) демократического движения модерна. Демократы не только не знали этого слова (никто его тогда не знал), но и не думали ни о чем таком, что можно было бы теперь этим словом обозначить. Даже те, кто вслед за Руссо понимал демократию не как политическое устройство, а как естественный образ жизни и мечтал о возвращении к изначальной человеческой общности⁷, больше уповали на ее спонтанное единодушие, чем на выработку наиболее обоснованного мнения. Массы же со своей стороны видели в демократии не более чем средство добиться материальных уступок со стороны господ («взять свое») и не имели ни малейшего представления об отправлении власти как профессии.

Но, как бы ни были мотивированы агентуры демократии с конца XVIII века, в условиях обострения социального конфликта после разрушения традиционного общества исторической миссией представительной демократии оказалось прекращение (предотвращение) смуты и насилия. Демократизация не сопровождалась устранением конфронтации. Она ввела конфронтацию в цивилизные рамки, когда общество не было способно ни к какой делиберации. Как тогда каламбурили, «ballot, not bullets»⁸. Все выглядит так, что партийно-представительная демократия скорее оказалась альтернативой делиберации.

Первой жертвой этой диспозиции оказался парламент. После перенесения конфронтации с улицы в зал заседаний он теряет способность к коллегиальности, еще свойственную парламенту времен Милля (тоже уже сильно им идеализированному) и, стало быть, способность поддерживать практику делиберации. Делиберация в нем вырождается в обоюдную обструкцию сторон – чистой пропаганды в расчете на будущие выборы или риторической оркестровки внутрипарламентской интриги с целью добиться вотума недоверия правительству и досрочных выборов.

6 «Старый режим» (фр. *l'ancien régime*) – политический и социальный уклад во Франции с конца XVIII века до начала революции 1789 года.

7 Последние отголоски этого умонастроения – Парижская коммуна и русский левый популизм под лозунгом «Вся власть Советам».

8 Этот каламбур можно приблизительно перевести как «вместо пуль [выборная] пулька». «Пулька» – графа, куда вписывают результаты игры в преферанс; в широком смысле – графа в любом списке.

Зато появляется новый локус – политические партии, претендующие на власть, с их руководством как теневым (альтернативным) правительством. Эта практика очень нужна партиям, как когда-то коллегиальным тираниям. И – по той же причине конкуренции за власть – каждая агентура должна быть едина, если хочет длительно существовать и добиться успеха. Это единство может быть инстинктивно-изначальным (прототип – братство) или производным на базе осознанной общности интересов (материальных, эмоциональных и идейных), но эти узы солидарности не способны долго держать вместе массивные множества. И если партийность добровольна, то партии не могут стать большими политическими силами только с помощью дисциплинирования своих рядов. Несогласные подчиняться будут просто их покидать. Не говоря уже о тех, кто обнаруживает свою партийность только на выборах – они дезертируют по малейшему поводу. Меньшинства могут быть удержаны на орбите партии только участием в добросовестной делиберации. Большие партии власти всегда любят называть себя «широкая церковь», и это долго так и было в самом деле. Такова же была первоначальная ВКП(б). Ее делиберативная активность в 1920-е выглядит очень внушительно – вероятно, более внушительно, чем любой другой партии в Европе.

АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ
ДЕЛИБЕРАЦИЯ
И ДЕМОКРАТИЯ

Демократизация не сопровождалась устранением конфронтации. Она ввела конфронтацию в цивилизные рамки, когда общество не было способно ни к какой делиберации. Все выглядит так, что партийно-представительная демократия скорее оказалась альтернативой делиберации.

Постреволюционная ВКП(б) – вообще истинная жемчужина для политической теории. Она очень наглядно демонстрирует родство партий власти с коллегиальными тираниями. Она сама себя аттестовала как диктатура (пролетариата). Западная конкурентная демократия отличалась от нее тем, что в условиях многопартийности таких «тираний» было две (а то и больше) и они все время грозили друг другу смещением.

Но в обоих случаях внутрипартийная делиберация, называвшаяся (неудачно) в российском однопартийном варианте «внутрипартийной демократией», оказалась обреченной на угасание – и через десять лет прекратилась совсем с уничтожением ее агентуры. Магистральный комментарий не заду-

мываясь объявил это концом демократии. Между тем сама клика, захватившая власть, была искренне убеждена, что именно она обеспечивает «настоящую» демократию. И если отнестись к этому всерьез, то трудно отказаться от подозрения, что демократия в этом случае возобладала над делиберацией.

Многопартийные демократии демонстрируют ту же тенденцию, хотя ее труднее разглядеть в тумане гораздо более интенсивной и содержательной дискурсивной активности «западного» общества в условиях либерального габитуса. При новой конфигурации социального конфликта (смотри выше) большие партии власти уже не могут поддерживать свой рейтинг ни дисциплиной, ни делиберацией и уповают все больше – как и обыкновенные интересантские и самоопределяющие партии и движения – на естественную (инстинктивную) корпоративную сплоченность «своих/наших», повязанных общим делом. Фракции в них остаются, но делиберацию в них вытесняет конфронтация – как в ВКП(б) в свое время.

Но, отмирая в самих органах власти, делиберация как необходимый элемент практики правления не атрофируется и находит себе другие локусы – например, вторые («верхние») палаты парламента. Вебер концептуализирует их как совещательно-консультативный беспартийный государственный совет⁹. Он характеризует их примерно так же, как Милль – английский парламент. Британская палата лордов, стилистически теперь более близкая к парламентскому идеалу Милля, дает некоторое представление о таком органе. Общественная палата Российской Федерации, до сих пор, кажется, никем не воспринимаемая всерьез, неожиданно может оказаться в этом плане гораздо более интересной инициативой, чем российский поддельный парламентаризм.

Другой орган делиберации – межпартийные парламентские комиссии, где разрабатываются обоснования политических решений и готовятся законопроекты. В работе комиссий участвуют все партии, представленные в парламенте, и делиберация – единственно возможный для них метод работы.

Наконец, еще один локус, где находит себе прибежище делиберация, – это бюрократический аппарат, хотя парадигма и строение его делиберации, то есть ее рационалитет, выглядят иначе, чем в других локусах.

Но все эти локусы – совещательные органы при демократически избираемой, но монолитной и безапелляционной власти. Функционально они аналогичны локусам делиберации при господской власти. Они даже используют те же самые институты (особенно «бюро»). Это, в сущности, реликты господского прав-

9 WEBER M. *Wahlrecht und Demokratie in Deutschland* // ИДЕМ. *Gesammelte Politische Schriften*. Tuebingen, 1988. S. 259–260.

ления благодаря своей чистой совещательности и (это, наверное, еще важнее) благодаря тому, что они все больше монополизируют де-libерацию, делая ее привилегией ограниченного меньшинства – де-libеративной элиты, если угодно. Оседание де-libерации в этих локусах ни в коем случае не ведет к де-libеративной демократии. Их функциональность в условиях демократии именно в том и состоит, что они ее корректируют и ограничивают – к худу или к добру. Усиление их влияния и затем, возможно, полная эмансипация от политической власти означает, в сущности, поворот к экспертократии или элитократии любого иного рода. Как бы они ни культивировали практику де-libерации и как бы ни были благорасположены к интересам масс, это господская власть... Как будто бы тупик? Не совсем.

В условиях демократии появляется – как совершенно неожиданное, хотя, глядя назад, абсолютно логичное ее порождение, – еще один локус де-libерации: многопартийная правительственная коалиция. Они у всех на виду, и в Европе практикуются уже давно, но до сих пор многопартийная коалиция не вызвала интереса в этом качестве. Остается незамеченным и необдуманым то, что именно коалиция – локус коллегиальности и, стало быть, де-libерации *par excellence*. Вебер считал нужным упомянуть ее в своей разветвленной систематике форм коллегиальности¹⁰. Де-libерация в них часто не совершенна и легко обрывается, а сами такие коалиции не сохраняются долго. Разные коалиции возникают и исчезают, но остается простое правило: нет де-libерации – нет коалиции. Как только мы это заметили, коалиции выглядят уже не как патология демократии, а как указание на ее новое состояние в ходе ее непрерывной эволюции.

Дорога через этот эволюционный зигзаг тоже, конечно, может вести в сторону авторитарного правления. Долгая череда коалиций провоцирует антидемократические реформы и даже государственные перевороты, потому что неустойчивость коалиций ассоциируется с хаосом, что подрывает авторитет демократии и порождает антидемократическую реакцию при активной поддержке масс – правопопулистская реакция, уже имевшая однажды место между двумя эпизодами «тридцатилетней войны XX века»¹¹. В лучшем случае это ведет напрямую в сторону экспертократии, как это регулярно случалось в Италии и только что случилось опять (нынешнее правительство технократа Марио Драги).

Но демократический вариант тоже вполне вообразим. Например, тематические и интересантские партии (движения)

10 А именно как пример того, что он назвал «электоральной коллегиальностью» (*Abstimmungskollegialitaet* – буквально: голосовательная), коль скоро она может заключаться, хотя и неформально, уже до выборов.

11 Автор называет так Первую и Вторую мировые войны. – *Примеч. ред.*

полностью вытеснят из политического пространства партии, ориентированные на весь электорат (*catch all parties*). И тогда избиратель будет сознательно участвовать в создании коалиций, особенно если его будет стимулировать к этому регламентация процедуры выборов. Такое впечатление, что в Германии это происходит уже сейчас, что особенно многозначительно, если вспомнить, во что выродилась такая же диспозиция в 1930-е годы. Или партии сами по себе ликвидируются совсем, а орган управления делами страны, как бы он ни комплектовался, выбирая тематику делиберации или даже принимая стратегические решения, будет по процедуре учитывать общественное мнение. Мнение это может выражаться в независимых или заказных опросах публики, равно как и официально учрежденных фокус-групп, инициативах интеллектуальных лобби («мозговые тресты») или петициях по образцу британской практики первой половины XIX века. Эта тенденция быстро нарастает уже сейчас.

Долгая череда коалиций провоцирует антидемократические реформы и даже государственные перевороты, потому что неустойчивость коалиций ассоциируется с хаосом, что подрывает авторитет демократии и порождает антидемократическую реакцию при активной поддержке масс.

В обоих вариантах делиберация окончательно вытесняет конфронтацию (конкуренцию), но не демократию, и на этом основании такой порядок может быть назван делиберативной демократией. При этом в первом варианте демократия остается представительной (косвенной); во втором случае – становится прямой.

Таким образом, если возможно и в самом деле желательно не вынужденное и не устойчивое совмещение делиберации и демократии, а их органическое и устойчивое единство, то путь к нему лежит через коалиционно-правительственную коллегиальность. Она появляется спонтанно, но, будучи творчески отрефлексирована, может сублимироваться и конституционализироваться. Сейчас или после временного возобладания авторитарной альтернативы. Навсегда ли – открытый вопрос.

Циклическая схема Аристотеля–Полибия, а точнее, ее циклопоступательный вариант, позволяет думать, что не навсегда. И, если мы захотим воспользоваться этим представлением, мы сможем обнаружить иное содержание социогенеза вместо дви-

жения от господского правления к народному или в обратном направлении. Это содержание – экспансия делиберации. Словами Джона Дьюи: «Самое главное – поднять качество и улучшить условия обсуждения, дискуссии и аргументации общественного разговора. Это проблема “общества”»¹². Сам Дьюи был убежден, что эта проблема может быть решена, только если в делиберации (общественном обсуждении – *public debate*, как он это называл) будут так или иначе участвовать массы, что будет означать становление демократии как образа жизни. Мы, пожалуй, можем сказать сегодня, что делиберация совершенствуется и ширится, возбуждая постоянные колебания архитектуры политического пространства – чистая демократия, элитократия или их смеси. До тех пор, когда этот маятник перестанет качаться и различие господского и народного правления потеряет смысл, поскольку на смену им обоим придет делиберация как образ жизни общества.

АЛЕКСАНДР КУСТАРЕВ

ДЕЛИБЕРАЦИЯ
И ДЕМОКРАТИЯ

12 «The essential need, in other words, is the improvement of the methods and conditions of debate, discussions and persuasion. This is the problem of the public» (DEWEY J. *Op. cit.* P. 208).

